

ПУБЛИКАЦИИ

ПИСЬМА СВЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА К АФОНСКОМУ
СХИМОНАХУ ДЕНАСИЮ (ЮШКОВУ)

(Подготовка к печати, комментарии —
иеромонах Иосиф (Королев))

LETTERS OF SAINTED HIERARCH THEOFAN TO ATHOS
SCHEMAMONK DENASIUS (YUSHKOV)

(Preparation for printing, comments — Hieromonk Joseph (Korolev))

Аннотация. Данная статья является первой публикацией писем святителя Феофана Затворника к схимонаху Денасию (Юшкову). Письма, хранящиеся в архиве Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне, содержат духовные наставления Вышенского подвижника, касающиеся умной молитвы, борьбы со страстями и поведения монаха. Публикация позволяет более глубоко изучить отношения святителя с афонскими насельниками и вносит вклад в исследование его наследия.

Abstract. This article is the first publication of letters from St. Theophanes the Recluse to the schemamonk Denasius (Yushkov). The letters stored in the archive of the Russian Panteleimon Monastery on Mount Athos contain the spiritual instructions of the Vyshensky ascetic regarding clever prayer, the fight against passions and the behavior of a monk. The publication allows a deeper study of the relations of the Prelate with the Athos inhabitants and contributes to the study of his legacy.

Ключевые слова: Феофан Затворник, Денасий (Юшков), Афон, Иисусова молитва.

Key words: Theophan the Recluse, Denasius (Yushkov), Athos, the Jesus prayer.

В 2011 г. состоялось открытие для широкой научной общественности архива святителя Феофана Затворника, хранящегося в Русском Пантелеимоновом монастыре на Афоне. Данное событие явилось важнейшим результатом деятельности Феофановского проекта Издательского совета Русской Православной Церкви.

Важной частью эпистолярного наследия святителя Феофана является его переписка с насельниками Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне. Хранящиеся в архиве этой обители письма Вышенского Затворника к братии представляют несомненный интерес.

Несмотря на то, что большую часть этой переписки составляют вопросы, касающиеся издания сочинений святителя, имеются в ней и письма, в которых епископ Феофан отвечает на духовные вопросы братии обители. Таким образом, владыка являлся духовным руководителем некоторых насельников, обращавшихся к нему за советом.

Особенный интерес представляют два письма схимонаху Денасию (Юшкову), написанные святителем в ответ на его вопросы. Основной темой писем является делание умной Иисусовой молитвы. Епископ Феофан предупреждает об ошибках при творении молитвы, предостерегает от опасностей, учит бороться со страстями. Святитель напоминает, что главное при молитве — это не внешние приемы, а внимание и сердечная теплота, при этом свои поучения он подкрепляет святоотеческими цитатами. Владыка высказывает свое мнение по поводу неудовольствия отца Денасия монастырскими порядками.

27 декабря 1889 г.

Письмо епископа Феофана к схимонаху Денасию (Юшкову)

«Милость Божия буди с Вами, достопочтеннейший о. Денасий!

Буду отвечать Вам по пунктам...

— «Относительно рукописи нечего более говорить», — пишете Вы. Да, нечего. Я бросил ее в печь. Советую тоже сделать и Вам, если у Вас есть еще черновая.

— Что в печатной книге в числе признаков благодати присущей в сердце значитса какое-то трясение и неудержимое вопияние, то

Вы, верно, заметили, что это дело не такого свойства. Тут ничего нет духовного, а одно чувственное какое-то возбуждение, или кровавое. Происходит оно вначале от ненадлежащего делания молитвы Иисусовой, именно: воткнет человек все внимание в сердце, — это телесное, и трубит: Г. I. X. С. Б. помилуй мя! По времени от этого показывается теплота, и не благодатная, а животная. Но делателю сему она показывается благодатною. Это заставляет его больше налегать на сердце и выжимать теплоту. Чем дальше, тем больше. От теплоты — раздражение нервов, а от этого сотрясения и всхлипывания. И то, и другое нравится. И по сей причине делается желательным, и ищется. От частого повторения это обращается в привычку и обнаруживаться начинает неудержимо. Вот и все. Это нервное раздражение, кровавое разгорячение... то же, что бывает с кликушами. Как кликушество, так и это, может быть, заразительно. И есть опасность, что со временем все монахи Ваши превратятся в кликуш. О. Денасий уже попал в их чин.

Тому, что было с иноком, что у св. Исаака Сирианина, этого кликушества уподоблять нельзя. То были простые вздыхания, как св. Арсений вздохнул однажды в церкви и тотчас просил прощения у того, кто стоял впереди. А что говорит Лествичник о себе, это относилось к псалмопению. В Египте и правилом было строить скитникам келии так далеко от других, чтоб они не слышали псалмопений друг друга.

Старцу Вашему надо приказать или посоветовать — преодолевать эти позывы к вскрикиванию, не давать им ходу. И он отвыкнет от сего, как привык. Пусть Спасителю подражает, который один раз запретил духу своему. И у апостолов значится, что духи пророческие пророкам повинуются. Я думаю, что на него имело и имеет влияние то, что дивятся ему и верят, что это у него действие благодати. Бог не есть нестроения Бог. А что старец сказал, что в нынешнее время Господь даровал иной образ действия благодати, — это неверная мысль. Это он хочет оправдать свои дурачества. Не слышал он слов апостола, что же и *Христос Господь вчера и днесь, той во веки?*

— То, что Вы испытывали, читая статьи Григория Синаита с неким иеродиаконном, того же свойства с кликушеством. Бес смеха подседает под ложечкою и раздражает смех. Так у Вас не друг сидел, а враг. И летение Ваше домой тоже кровавое дело. Смотрите, как бы в другой

раз враг не угораздил Вас в овраг с такого полета. За тем сладость в гортани при молитве... это прямо вражие! Или Вы не читали у старцев, что ничего такого принимать не должно, ни сладости, ни благоухания, ни света и ничего подобного? Все это подходы врага. Замечается, что у монахов и монахинь ныне пошла страсть к чудесному, мало-мало что особенное встретится или испытается, тотчас гадание, что тут небо подвиглось в утешение им. Возьмите в руки жезл здравомыслия и гоните все такое от себя.

— Злоба другого, злоба на другого, уныние, тоска, похоть. Видимо волк ходит вокруг овчарни и приглядывается — не удастся ли выманить какую овечку и поглотить ее. Вы хорошо делаете, что не поддаетесь и вступаете в борьбу. Держите правило Филофея Синайского — стоять с утра у двери сердца и, замечая что дурное, прогонять то именем Господа.

— «Молитвы нисколько, сонливость и днем и ночью, и в церкви и дома, и правила келейного исполнять нет сил». Это плод хохота внутри, летений как на крыльях, и сладости в гортани, и, вероятно, трубления пред собою в сердце вследствие таких чудесностей... Напишите это на клочке и прибавьте: радуйся Денасий! Вишь, куда хватил?! Что все другие пред тобою?! И прочитывайте это иногда. Сонливости не поблажайте. Когда подходит — ходите по келье шибче, переставляйте стол и стулья с места на место... и еще лучше, если тяжелое что есть, поднять. Если не берет это, выдьте наружу, к церкви, около церкви, на кладбище, ступая бодрее... Внутренно же все молитесь.

— Какими словами молиться? Ведь уж определено у старцев: когда всею молитвою Г. И. Х. С. Б. П. М., когда половинкою... Г. И. Х. П. М. или И. С. Б. П. М. Как находите лучше, так и молитесь. В этом ничего нет существенного, и занимать внимание этим нечего. Не слова — молитва, а мысль и чувство. Стать пред Господа в сердце и взывать: «Господи, помилуй!» И все тут... со страхом и верою. Не в словах сила. Египтяне говорили: «Боже, в помощь мою вонми!». Иоаникий Вел.: «Упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святой...». Еще некто: «Аз, яко человек согреших, Ты же, яко Бог щедр, помилуй мя». И еще: «Боже, милостив буди мне грешному». Мытарев глас. У Св. Златоуста положено 24 молитовки... и, вероятно, он их проговаривал, хотя знал и молитву Иисусову. Мне

думается, что перетрачивать (так!) сии молитовки молитвою Иисусовою лучше, чем употреблять одну Иисусову, и тут же прибавлять: «Пресвятая Троице, Боже наш, Слава Тебе!».

— У Вас помянуто об искусственной молитве. Искусственная молитва — отдельная молитва. Ею иные хотят заменить настоящую молитву, состоящую, по ихнему, в известных словах, известным образом произносимых, с известным положением корпуса и головы, и с указанным способом дыхания. Тут большое заблуждение и большой себя обман. Молитва всегда есть и должна быть — ума и сердца возношение к Богу с славословием, благодарением и прошением душеполезных благ во славу Божию. Когда это есть, какие слова ни будь, какое положение ни возьми, молитва есть, а когда этого нет, молитвы нет, хотя бы ты всю Псалтирь прочитал, поклонам счет потерял и весь взмок от пота.

Слово: искусственная или художественная молитва, только у нас имеется, у греков его нет. У нас же оно от несправедливого перевода греческого слова μεθωδος (так в ориг.) μεθωδος. Оно означает способ или прием, а не искусство. У греков это слово только у Никифора и употреблено им не относительно молитвы, а относительно того, как сойти в сердце. Мы, говорит, когда дышим, втягиваем в себя воздух и опять выпускаем. Иди мыслью вслед за втягиваемым воздухом и остановись в конце сего вдыхания. Там сердце, держи там ум и молись. Его метод это только схождение в сердце и определяет, а сама молитва потом должна подлежать своим законам и производится своим образом, чтобы и страх Божий был, и вера, и упование, и славословие, и благодарение, и прошение, все с соответственными мыслями и чувствами. О положении тела, головы, дыхания хоть и говорится, но не как о необходимости в деле молитвы, а как приспособлении себя к ней, и это оставляется на произвол. Как хочешь устраивайся, только установись вниманием в сердце, и оттуда взывай к Господу. Кто же остановится на одном этом схождении с дыханием в сердце, на одних словах молитвы, без всяких молитвенных мыслей и чувств, и на одном положении тела, головы и дыхания, тот воду толчет или вертит жернов без зерен. Прописываю все сие Вам, чтоб Вы видели, что слово искусство или искусство в отношении к молитве несправедливо прилагается и должно быть изгнано из словаря подвижнического. Прибавлю: молитва есть дар благодати.

Дар же благодати никаким искусством притянуть нельзя. Его подает Дух Святой кому и как хочет. Дар молитвы — не птичка, которую можно было смануть с воздушной высоты искусственным образом к расставленным тенетам. Как Максим Капсокаливит получил дар молитвы? Усердно молился о том от сердца и получил. Никаких особых приспособлений не было. Молился как вообще молятся все в простоте.

— Были слезы. Это не худо, но и ничего особенного. Можно раздражить себя на слезы, но это мало толку. Лучше сих глазных слез — слезы сердечные: сокрушение, жаление, болезнование все о грехах или немощах. Благодатные слезы сами текут и непрестанно. О них у святого Исаака Сирина.

— Вы говорите, что сердце нашлось для Вас само собой. Если это похоже на то, что получил Максим Капс., то оно должно быть постоянно в виде непрестающего чувства к Богу. Это самое и есть, что ищется. А если нет, то и при сем все еще надо искать такого дара. И ищите, только без всяких художеств, а в простоте сердца детской.

— Видели два креста и рожу беса. Кресты — указание суть для Вас или на кресты скорбей и страданий, ожидающие Вас, или, что ближе, на кресты самоотвержения и произвольных лишений и самоумучений в видах очищения сердца. Можно каждую минуту являть дела самоумерщвления чрез отвержение своих хотений и себе угодия, и постоянно можно быть на кресте, держа неотходную готовность озлобить себя и тотчас делом то совершать, как только случай. Рожа вражья пусть удостоверяет Вас, что враг не спускает Вас с глаз и всегда готов каверзу какую устроить Вам. Блюдайте убо, како опасно ходите в мыслях, словах и делах.

— Келейное Ваше правило хорошо. Но трудитесь и исполнять его хорошо. Мне думается, мысли во время правила не всегда у Вас бывають дома. Вам рано еще одною молитвою молиться. Когда получите, что получил Максим Капс., тогда и без слов можете молиться. Перемешивайте с молитвою Иисусовою и другие короткие молитовки, например, 24 молитовки св. Златоуста, молитовки из просительной ектеньи, каждый стих 50-го псалма с начала до: *воздаждь ми радость... и подобные*. Можете выбрать из псалмов, из тропарей и канонов и сами составить все соответственно Вашим нуждам духовным. Потом упорядочьте их для своего правила, как найдете по

своему вкусу. Каждая молитовка дает особую молитвенную мысль и вызывает особые чувства. Сим образом молитва постоянно будет подогреваться.

— Что у Вас было до искусственной молитвы — было настоящее дело. Так, полагаю, молился Максим Капс. до получения дара. И Вы шли к тому же. Не можете ли Вы припомнить, как у Вас тогда шла молитва? Припомните и возвратитесь к тому, чтоб по совершении правила как из бани выходить.

— Что за диво Ваша сонливость? Очень близка она к беспросыпности. Уж не болезнь ли у Вас какая? Или вообще слабое сложение? Но всяко, возьмитесь за себя и старайтесь держать себя в бодрности и в церкви, и в келии. Делайте, что прежде я указывал, как разминать себя. Безжалостность к себе надо возыметь. Не садитесь во время молитвы даже в келии, а не только в церкви. Просите у Господа бодрности.

— Беспокойство из-за безбородых. Безбородые тут не виноваты. Брань, поднимаемая при виде их — не от них, а от смотрящих. У этих последних свое внутри горячее вещество и они сами возжигают его. Не смотри, если не можешь смотреть не разжигаясь — и будешь покоен. Имеете все сильное средство в умной молитве, настоящее, а не искусственное... Если как говорите, особенно восстают против сего творящие умную молитву, то это от того, что у них нет умной молитвы, а есть шепотничество. Шепотничество — вот что есть: сидит человек и повторяет молитву Иисусову — сотню, другую, пять, шесть, десять... а мысли в разброде. Держите себя всегда в присутствии Божиим, что есть неотложная стихия настоящей умной молитвы. Память о Господе присущем страхом окружит душу и не даст ходу никакому срамному движению. — Начальством недовольны за это. Кто дал право судить начальство Денасию и подобным? Начальство не может отталкивать безбородых. Хорошо ли когда утопающий прибил к берегу и просит помощи, оттолкнуть его от берега на явную пагубу?! Начальство и дает им приют, а мнимые умномолитвенники хотят, чтоб их гнали прочь безжалостно.

— Тот не разложился, другой не разложился. Кто видел? Вероятно, никто. Один сболтнул и пошли шушукать. Какое дело до этого Денасию и другим?! Зачем в монастырь поступили? Затем ли, чтоб гадать о том, кто разложился и кто нет? Душу спасать пришли: ну и

держите во внимание одно это, а другим чем не озабочивайте себя. Как относится к спасению Вашему — разложился кто или не разложился? Никак. Это дело Божие, и за этим посмотрит начальство. Вы же зачем сюда лезете? От нечего делать, оттого что Вы зеваки.

— Я в это время перечитываю отпечатанные листки 5-го тома Добротолюбия. И вижу, что очень пригоже к настоящей речи, читаю у преп. Никиты Стефата, сотня 1-я, главы:

Гл. 50: «Если душа твоя страстно прилепляется к красивым телам и подвергается потом тиранству страстных помыслов, рождающихся от сего, то не предполагай, что они-то и суть причина происходящей в тебе бури помыслов и страстного движения, но знай, что причина сего сокрыта внутри души твоей, которая, как камень некий, магнит, железо привлекает к себе, — вред от лиц в силу предрасположения к тому и злой страстной привычки. Творения же Божии все добры зело и проч.».

Гл. 51: «Как плывущие по морю и страждущие морскою болезнию, не по естественному свойству моря страждут сие, но по причине внутреннего некоего к тому предрасположения в них самих: так и душа не по причине красивых лиц, но по причине в ней самой залегшего расположения к сему злу, подвергается крайне сильному влечению и тревоги страсти».

И 52 глава к сему же относится...

Из сего вывод такой: благодарите начальство, что принимает безбородых. Эти безбородые, помимо вашей воли и своей, благоденствие вам оказывают, выводя наружу скрытую внутри вас болезнь злую... и дают вам повод заняться этою частию, живущего в вас греха.

Это говорилось по поводу упоминания в письме о безбородых и разложению тел умерших.

Что следует далее в письме, заставляет меня воззвать: — Ужасайся небо и трясись земля! — Что такое? Что такое? — Судья вселенной явился! — Как, кто, где? — У нас тут на Афоне. — Кто же это? Кто, скажи Бога ради. — Кто? Не знаешь. — Денасий, с компаниею умномолитвенниками быти, а, между тем, день и ночь проводящие во сне, под видом углубления в умную внутреннюю молитву.

Такую речь ставлю я нарочно, чтоб показать, как я поражен был тем, что далее следует в Вашем письме.

Дорогой мой о. Денасий! Потрудитесь пощупать голову у Вас на

плечах; если на плечах, то присмотритесь, все ли в ней в порядке? Ибо говорить то, что Вы далее говорите, можно только тому, у кого или совсем головы нет или у кого мозг в голове повернулся верхом вниз и передом назад.

Извольте прислушать, повторю Вам Ваши слова, если забыли. 1) «Русские обитатели и все келиоты чрезмерно уже вдались только в попечение о многостяжании на многие лета». 2) «Жизнь внешняя только, и о внутренней немногие заботятся. Иные же хотя и знают, но, не находя поддержки или увлекаемые большинством и чувственности, забывают и о ее необходимости». 3) «Общежительные пустынников притесняют». 4) «Любви истинной полное оскудение». 5) «Отец игумен Парфений... такой-сякой: не располагается сердце к нему почему-то». 6) «В нашей обители людей много, но духовно опытных немного, и могущих врачевать — не знаю есть ли». 7) «Отец Иероним только о необходимости молитвы устной говаривал» 8) «Вообще же наставники наши говорят: ходи в церковь на все службы по возможности, ходи в общую трапезу, в келье не имей ничего, кроме дозволенного, исполняй келейное правило и послушание — и спасешься. Но ведь не удовлетворительно, душа и дух жаждет чего-то другого — посытнее».

1. Какие это стяжания понимаются? Конечно, пища, одежда, кров. Но без них как же быть? Если нельзя без них быть, надо заготавливать их и потому хлопотать и заботиться. Если вы, приходящие в обитель, дома оставляя тела свои, особенно желудки, то забота о сказанных потребностях была бы укоризненна. А при том нашем положении, как оно есть, — эта забота благословенна. Поступающие в обитель должны быть благодарны обителям, встречая в ней с первого раза все потребное. — «Чрезмерно вдались» — к обителям слово это не преложимо. Год на год не находит. Потому запас иметь безопаснее и покойнее. Келиотам еще больше хлопот, потому что рук немного. И запас там извинителен. Потому чрезмерность трудно заметить. Это может сделать только лукавое око. О. Денасию предложит вырвать сие лукавое око, и соблазн пресечется. Даже если б приставленные к заготовлению потреб делали опущение в других частях иноческих деланий, и тогда надо освобождать их от укора. Трудясь для братий Господа ради, они Господу служат и угодное ему творят. Готовящий щи и кашу на одной линии стоит с поющим и читающим в церкви.

Что касается до внутреннего дела, то никто не стоит утверждать, что оно было невозможно при внешних монастырских службах. В Египте целый день сидели за работами, все для стяжания хлеба, а каковы были по внутреннему строю?! У них был закон: руки за работой, а ум в Боге. Может ли о. Денасий утверждать, что в Афонских обителях, занимающийся хозяйственной частью не делают этого же?! Не может, ибо что в человеке, никто не знает, кроме самого человека. Стало быть, он налгал на обители и келиотов. За это он подлежит публичному покаянию и канону.

2. «Жизнь внешняя только, о внутренней забыли и не заботятся». Не многие заботятся. Это возможно, но так ли на деле, это утверждать никто не может. Потому, что внутреннее не видно. Посмотрев прямо на братьев, увидишь, что они все исправно себя держат. Редко кто выдвинется из ряда. Исправность же сию всегда держать без хорошего внутреннего строя нельзя. Потому вернее говорить, что немногие не внимают своему внутреннему. И что не навсегда и не во всем. Случайно охватит забвение, нерадение и беспечность. А потом забота о спасении опять берет силу, и внутреннее благоустраивается. В обителях и внешнее все внутренне, будучи руководимо и воодушевляемо Страхом Божиим, совестью и обетом. Поддержка сему сильная в братском общении. Опять выходит, что о. Денасий смотрит лукавым оком. Да какое тебе, отче мой, дело до других? За своим внутренним смотри! А те сами устроятся...

3. «Общежительные пустынников притесняют». Я не вижу как это возможно, потому что они не вместе живут. Пустыня просторна. Может быть это касается доставления им потреб. Но ведь этим распоряжаются настоятели. Братья же что до этого? Разве иной покусится за то, что в доставляемых им потребах есть и его часть труда, искушаем бывая помышлением: ты работаешь, а они лежат...

4. «Любви истинной полное оскудение». Уж это сразу видно, слишком много сказано. Как же обители-то стоят?! Без взаимной любви они рассыпались бы как песок. Разве разумеется особая какая любовь. Но в обителях особая любовь есть беззаконие. Там всех равно любить должны. Потому и трудно заметить ее... Там друг другу благожелают, друг о друге молятся, друг друга утешают, и если случится размолвиться с кем, спешат помириться. Чего же еще?!

5. «О. Игумен Парфений такой-сякой». Нам же с Вами какое до

него дело? Если он находит удовольствие в том, в чем Вы его не находите и не желаете находить, и пусть себе утешается. Если он дает себе некую льготу, его дело. Верно, совесть его не видит в этом ничего противного обетам. Ваше сердце к нему не располагается, и однако ж, как говорите потом, он навел Вас на внутреннюю жизнь. Можно заключить, что то, что он позволяет себе, не нарушает строя его внутренней жизни. Припомните, как некто зазрил авву Арсения Вел., и как он, по объяснении ему дела, сам себя укорял за укорение аввы...

Сейчас прочитал статью о знамениях присутствия благодати в сердце. Есть мысли хорошие, но больше пустых и выдуманных помешанным человеком. Тут нелепость на нелепости. Как могли дозволить печатание? Митрополиты верно не читали сами... и разрешили наобум. Тут и про <нрзб.>... и затем потом следуют крики и возгласы, а далее падучка... и катания по полу. И этими-то нелепостями увлекся и о. Денасий... и попал в заики... с <нрзб.>. Да сотворит он о сем плач, и потом молитву об избавлении своем от такого дурачества.

6. «У нас народу много, а опытных руководителей нету... не знаю, есть ли?» Когда не знаете, есть ли, зачем наводить на мысль, что их немного или совсем нет? «Чтоб руководить надо быть опытну», — пишете Вы, но и чтоб узнать опытного, тоже надо быть опытну. Вы же каким себя осознаете? Если сознаете себя неопытным, то как можете утверждать, что у Вас нет опытных? А если сознаете себя опытным, пригоже ли наводить на такую мысль других? Это будет похоже на выставление себя опытным, что очень неопытно. заключаю, что Вы чуждаетесь братий обители своей по подозрению их в неопытности. Это очень неисправная черта.

7. «О. Иероним говорил только о молитве устной», прямее — о молитвах положенных. Но, конечно, не утверждал, что такую умную молитвою, или только прочитыванием положенных молитв, и ограничиваться можно. Если же он прибавлял и давал разуметь, что вместе с чтанием таких молитв должны идти мысли и чувства, то что же тут еще желать? Это будет полная настоящая молитва. У иных есть такие несостоятельные понятия, что коль скоро увидят у кого в руках молитвенник, или что он в церковь спешит молиться, то морщатся, полагая, что тут одна внешняя молитва. На деле же никакой

разности нет; между тем, кто читает молитвы по молитвеннику, или молится по службе церковной, с мыслью и чувством, и между тем, кто творит молитву Иисусову со вниманием. Стало быть, так или так молишься, молись с мыслью и чувством, и будешь добре молиться. Зачем о. Денасий сказал, что сказал? Догадываюсь, затем, что он молитву Иисусову почитает умною молитвою, а все другие устными — внешними. Что очень неправо.

8. Правило, какое обычно дается наставниками, — есть наилучшее правило, лучшего и желать грешно. А о. Денасий говорит, что это неудовлетворительно, и что его душа желает чего-то посытнее. Желалось бы знать, чего это именно желает его душа? По-настоящему, чего ни пожелаешь, все то найдешь в этом правиле и, исполняя его от сердца, будешь монах не пред людьми только, но и пред Богом, и будешь состоять в числе спасаемых. Ведь когда говорится: ходи в церковь на все службы, не то разумеется: ходи в церковь и стой там, зевая и носясь мыслями по всему миру или спя, как делает некий о. Денасий, полагая что это для его души сытнее, а то: ходи в церковь, и стой там умом и сердцем, внимая всему читаемому, поемому и священнодействию. Кто так делает, то с первого шага в церковь вступает в небесную область пред Лице Господа, с сонмами ангелов и святых окруженного. Затем зрит, как по течению службы живописуются в его уме и сытно питают его сердце одна за другою истины Божии догматические, нравоучительные, подвижнические, обетовательные, угрожательные, и в словах учения, и в примерах святых, указываемых в канонах. Не знаю, какая душа, простояв службу всю со вниманием, с созерцаниями и чувствами святыми, не почувствует себя насыщенной вдоволь. Иные, правда, чувствуют себя несытыми по окончанию службы, но желают не другого чего посытнее, а того же самого, то есть еще и еще постоять в церкви под действием испытанных святых мыслей. Это я слышал сколько раз и от светских. Чего же желает о. Денасий? Уж не того ли, чтоб вместо церкви сидеть на стульце в келии, клевать носом от дремоты, пока свалится под стол от углубления в сон, вместо молитвы. Я же утверждаю, что нет лучшего средства к раскрытию духа молитвенного, как хождение церкви на все службы, со вниманием и должным благоговейством.

Другие пункты сего правила определяют весь быт инока, держа его

в нестяжательности, воздержании, отречении от своей воли, хождении пред Богом. Не думаю, чтоб еще чего-либо потребовалось.

Итак, о. Денасий, засели Вы на судейское кресло и произнесли приговоры, которые не могут быть признаны истинными. Слезайте же с него и становитесь в толпу обычных смертных. А в лукавом воззрении на предметы осужденные извольте покаяться и понести должную епитимию. А потом, положите правило себя одного знать и свое дело устроить, о братиях же и обителях попекутся те, на коих лежит долг делать сие. Извольте строго исполнять строгое, указанное Вами правило, — и добре будет. Загадывать же на что-либо особенное — не загадывайте.

У Вас tu... tu! Если желаете себе добра, не допускайте никогда таких уродливостей. Тут ничего духовного нет. Одна кровь и нервы. Молитва Иисусова велика и драгоценна, и навык в ней многоплоден. Не унижайте его, приплетая к ней дурачества в виде криков, кривляний, конвульсий и валяний по полу, как пишется в той дурацкой книге. Молитва сия по составу такая же, как и все другие краткие молитвы. Особенность она может иметь, как и всякая другая краткая молитовка не от состава своего, а от образа творения ее. По сему образу она может быть и умною, и устною, словесною, внешнею. Молитва, в каких бы словах она ни выражалась, становится умною с того момента, когда душа утвердится в сознании присутствия Господня, или в хождении пред Богом. С сего же времени начинается и собственно внутренняя духовная жизнь. До сего же времени то и другое только ищется. И молитва Иисусова служит к тому средством. Навыкайте ей, и если навыкли — творите, умоляя Господа: да дарует Вам и плод искомый. Только отбросьте все художества и искусства, а делайте все от сердца, в простоте детской.

— Чувствуете порывы на уединение... Пусть их. Но удовлетворять им рано. Установитесь прежде внутри себя пред Господом в обители. Когда дух Ваш станет едино с Господом, тогда и внешнее уединение пригодно будет. Это надобно на волю Божию отдать, и Он устроит. Я знал старца простого, который говаривал: когда что по Богу, тогда это так устроится, как на салазках под гору скатиться.

— Вы гадали на Евангелии. Перестаньте это делать. Что вышло из Вашего гадания? Ничего. И осталось оно одною забавою. Это похоже на кощунство над священными предметами.

— По указанию отцев настоятелей, Вы взялись составлять описание своего путешествия по Афону со всеми достопримечательностями. — Это очень хороший предмет. Трудитесь, не ленитесь. Помогите Вам Господи! Что Вы приравняли это дело к вражеским запутаниям, — это грех. Извольте каяться.

— О 17-ти признаках я уже сказал, что тут много пустого и нелепого. Лучше не брать в руки этой книги или переводной статьи. В огонь ее. Что касается до выражения: *Дух Сына, Дух Сыноположения*, — то это апостольские слова: первое — Гал. 4:6; второе — Рим. 8:15. Дух Святой есть Дух Сына, потому что Ему чрез Сына открыт вход к нам. Евангелист Иоанн говорит: *Не убе Дух Святой, яко Иисус не убе прославлен (7:39)*. И было, что когда вознесся Господь и сел одесную Бога Отца — снизшел Дух Святой. Он есть и Дух Сыноположения, потому что, возрождая нас, делает нас сынами Богу и дщерицами. Можно под духом разуметь и дух жизни во Христе Иисусе. Надо смотреть как по ходу речи.

— Что Вы там полагаете делать в наказание за сонливость или благодарение за Святое причастие и приготовление к нему? Делайте как находите лучше для себя. Только бы созидался дух, а не разорядся. Старайтесь в церковь заходить бодренным. Это лучше всего. В келии же будет повторение того.

— Опять о безбородых, об их добротях и худобах, о выпивании раки и неких нестроениях в обители. Опять Вы судья вселенной. Какое Вам дело до того и сего. За собой смотрите.

— Полагаете прислать перевод той дурацкой статьи, что о признаках. Не присылайте. Попадет в огонь.

— Кажется, все пересмотрел. Вы слишком развлекаете себя сторонними предметами. Знайте келью да церковь и свое послушание. От сего другого закрывайте глаза. Шутка, сколько Вы предметов обхаяли. Как тут установиться в трезвении. Старайтесь устроиться так, чтоб голова ничем не была занята, кроме Господа.

Спасайтесь! Ваш добротех Е. Феофан.

С праздником. Передайте поздравление от меня о. настоятелю, архимандриту Андрею».

АРПМА. Оп. 24. Ед. хр. 4327. Л. 1010–1029.

10 апреля 1890 г.

Письмо епископа Феофана к схимонаху Денасию (Юшкову)

«Милость Божия буди с Вами, добрейший и кротчайший о. Денасий!

Вы опять написали мне, и так много. А я положил было уже не писать Вам, в той мысли, что у Вас там такое множество богомудрых отцев, что мне с моею неопытностью нечего и показываться туда с своим разглагольствованием. Но Ваше смирение и кротость победили меня. И се опять берусь за перо. И как прежде буду идти с своими заметками вслед за Вашими речами.

— Вот какая история случилась с письмом моим. Очень жалею. Думаю, что это случилось оттого, что вместе с Вашим письмом мною получено письмо другого некоего иеромонаха, и слово так четко рисовалось в голове, что слил его с Вашим именем. Дай Вам Бог быть поскорее иеромонахом.

— Что сжег рукопись, и хотел бы пожалеть вместе с Вами, но не жалеется... Такой рукописи ходить по Афону совсем неуместно. Никакого смысла там нет. А простецы думают, что, наверное, тут содержатся великие таинства, когда не поймешь ничего. Вот получите 5 т. Добротолюбия — и найдете в нем все потребное. Я просил о. Владислава сделать побольше оттисков глав Игнатия и Калиста... Если это он сделал, то вот в руках всех будет руководство достаточно вразумительное для всех.

— Вы боитесь, как бы не попала в огонь и рукописная книжка, Вами присланная. Книжки рукописной Вами не было прислано, а прислана тетрадь, в коей содержится перевод главы печатной книги о признаках благодатных действий в душе. Печатная книга и эта рукописная тетрадь мною получены и отправлены к Вам обратно. На расписке Шацкой конторы в получении этой посылки к Вам значится 8 февраля 1890 года. Когда писали Вы последнее письмо ко мне, верно, еще не получили сей посылки, а теперь, конечно, уж получили.

— Что Вы сбегали к старцу-кликуше, это в порядке вещей. Хорошо сделали и что записали места, коими оправдывает старец бывающее с ним. Но нехорошо, что возвратясь домой, не проверили и не обсудили, что говорить в тех местах. Тогда Вам нечего было

бы поминать о них. Ясно было бы для Вас, что в местах тех не о том говорится, что хочет старец подтвердить ими. 68-ой главы Симеона Благоговейного нету... их всех 40 глав. Сказание св. Исаака о некоем брате с горячностью молившегося ничего особенного не говорит. Это со всеми почти бывает, что испытывают прилив молитвенных чувств и вследствие того поклоны учащают и падают ниц, и иной раз восклицают. Но восклицания сии тотчас прерывают, ибо это неподобающее дело. Кажется, Арсений Вел. воскликнул однажды в церкви и тотчас подошел к брату тут стоящему и просил прощения. Этого рода порывы во власти человека и их останавливать можно. Кликушество старца это место не оправдывает.

— В 69-ом слове св. Исаака только одна строчка может сюда отнестись. Но в ней говорится только о слезах, об ударе себя по голове во время молитвы и о пламенном усердии к продолжению молитвы... Где же тут кликушество-то?!

— Григорий Синаит в 7-ой главе из 10-ти говорит о трепете духовном, а не о трепетании телом. Нечего на него и ссылаться.

— В статье Калиста патриарха об образе внимания молитвы говорится похоже на состояние вашего старца. Но только в том отношении, что иной не может произносить всей молитвы, а произносит кратко: Иисусе мой! Но тут не видно никакой беспорядочности... а все идет мирно, но ведайте, что этой статьи в греческом Добротолубии нет. Старец Паисий, вероятно, взял ее из ходящих среди братства, как ходит теперь брошенная мною в огонь, и внес ее в славянское Добротолубие. Это лишает ее всякого веса. Следовательно, эти показания следует считать вещью темною. Вообще о возгласах надо сказать, что они невысокого достоинства и суть кровавые движения. Благодатное действие молитвы мирно углубляет душу в Господа Спасителя, где она без слов молится, или пребывает в молитвенном состоянии. Спрошу Вас, как же Вы забываете указ старца — ни на какие движения кровавые не обращать внимание. Все что у Вас говорится есть телесно... И надо ухо остро держать.

— Вы говорите, что «старец говорил Вам, что есть трясение и от благодати и стал показывать вышеприведенные места». Но в этих местах нет ни слова о трясении. Есть слова о трепете, но это другое от трясения. И ангелы со страхом и трепетом предстоят Богу, но чего же Ваш старец не слушает урока старцев — беречься теле-

сных видимых проявлений благодати и отвергать их, не боясь гнева Божия за такое отвержение. Слыхали Вы сказание, как один инок упросил игумена взлезть в пещеру в горе и там жить и как спустя немного времени начал он являть прозорливость... Приходили к нему братья и он, не спрашивая их, сказывал, кто они и откуда... Наконец ангел явился ему и сказал: «Ныне в полночь Христос придет к тебе... и возьмет к себе на небо». Тот сказал игумену, прощаясь с ним... Игумен тотчас догадался, что с братом дееется, и сам поднялся к нему к полуночи... и когда явился сатана, вступил с ним в борьбу и не дал брата в руки его. Тогда он сорвал мантию с брата и, поднявшись со своими на воздух, изорвал там в клочки мантию. Вот что готовилось прозорливцу...

— Вы пишете: «Жалко, если старец поскользнулся». Поскользновения не видно, видно только заблуждение, что бывающее с ним есть от благодати, а оно не таково. Если пресечет, ничего не будет, а не пресечет — не дивно, если враг сыграет с ним что-нибудь.

— Вам хочется удержать в силе достоинство смеха, бывшего у Вас. Но бесы умеют преображаться в ангелов светлых. Что им стоит и нечто доброе проявить в видах прельщения? Какая беда, если Вы усомнитесь в значении смеха... или в летании домой как на крыльях? Господь не обидится, видя, что делаете это из опасения попасть в руки врагов — прельстителей и губителей. Зачем св. отцы положили не верить, когда в теле обнаруживается нечто такое, о чем думается, будто это от благодати? Затем, что такие вещи допускается производить и врагу, а враг при этом все, конечно, не доброе имеет в виду. Так вот: так как имеется опасность попасть в сети врага, а отличить доброе от недоброго трудно, отцы положили — не рассуждать, а сразу порешить — не верить доброте являемого, чтобы то ни было. О. Денасий должен принять в неизменное правило — не верить... и другим тоже советовать.

— Сонливость — прогоняйте и врачуйте прогулкой, а прочее все не принимайте. Лучше духовным образом возбуждать и держать бодренность... и всегда просить об этом Господа.

— О слезах текучих — нечего жалеть, если их нет. Это несущественно. Существенны *дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно*. Это и надо искать и держать. А водяные слезы, если текут, — пусть, а если не текут — не беда.

— «Чувства к Богу нет». Ищите и молитесь о сем больше всего. Максим Капс. этого именно искал и это наконец получил. Когда это придет, значит благодать вселилась, Господь сочетался с сердцем. Бросьте все и этого ищите... Главное ходите в присутствии Божиим, или в памяти Божией...

— Вы наговорили на себя много дурного: «не слушаю внушений добрых, самоугодничаю, саможалению поблажаю, много времени трачу по пустякам». Это и значит, что грех в сердце, а благодать со вне. Совесть мучит, — это милость Божия. Когда перестанет, — будет значить, что Господь бросил и отворотился.

— О правиле хорошо положено у Вас... чтоб молитва Иисусова из сердца шла... Как от этого положенного числа молитв не успеть совершить в 1 ½ часа, то оставьте число, а храните время, т. е. стойте на молитве 1 ½ часа, а о числе молитв не думайте. Только старайтесь, чтоб каждая молитва сия шла из сердца, как у Вас написано. Падающие ниц, бездерзновение и прочее... в порядке вещей.

— Опять толки о безбородых. У нас чей устав? Св. Пахомия. А он с самого начала положил бытие школам в обителях: и были. Лучше оставить этот предмет на волю начальства монастырского.

— Чай. Хорошо отвыкнуть, чтоб меньше хлопот было. Но не беда, если и не отвыкнете. Я знал в С.П.б.-го генерала, который нюхал табак, но прочитавши где-то мнение Владыки Филарета Московского, что это дурная привычка, тотчас бросил... и еще как? Табакерку носил в кармане и, когда сидел за работою или ходил к кому, вынимал ее и держал на глазах... Вот крутонравие!! Если добудете такое крутонравие, то одолеете чай. А дотоле терпите, как бородавку на носу...

— Опять речь об <нрзб>! Где Вы нашли это у св. отцев?! Это у Вас на Афоне выдуманно... и не так давно. У св. отцев все пишется о внутренней молитве и одной ей вся цена дается. А об этих уродливостях и помина нет.

— На приглашение Архиерея пошлите отказ и не думайте более об этом.

— Дело худое не скрашивается доброю целию, а остается худым и безобразным.

— Поздравляю с окончанием описания путешествия.

— Так вот у Вас дело худое — описание! Кто это отпустил такую

премудрую сентенцию?! Описание — дело хорошее. Но написать можно дурно, но в этом само дело не виновато. Дурно написанное исправить надо, и все тут. Пересмотрите хорошенько. И оставайтесь покойны. Если боитесь, пожалуй, я перечитаю и укажу, что поправить надо.

— Жажда чтения — не монашеское дело. Она развивает умовое обжорство, ничем ненасытимое, только и желание, что читать и читать. Это похоже на питье соленой воды для утоления жажды. От этого ожестение сердца, ни молитвы, ни сокрушения и из головы все спасительное изгоняется... Любовь к ведению истины другое дело. Тут истина познается сердцем, приемлется и питает душу. Когда одна истина перестанет питать, берется другая, познается, входит в сердце, и в свою очередь питает и т.д. Никакой при сем погони нет, чтоб больше прочесть, а хоть одну строчку прочесть, но так, чтоб душа попиталась. Извольте так делать. Жажда чтения питает умовое знание, а не деятельное, от того плод его бесплоден. Ум суетный облепляет истины ведения христианского множеством вопросов и пыхтит над решением их и, когда решит, дуется, как мыльный пузырь. Избави Вас Господи от этого. Хорошо уяснить себе догматы, с выводом из них практических истин. Это можно сделать, не поблажая жажде чтения.

— Два сумасшедших!!! Что об них?! Молиться можно и милостыню творить. Но тут вражие дело. Молиться более надо.

— Положить Вам начало жизни покаянной помощи Господи. Но от причуд решительно надо отказаться. Законом иметь неотложным бывание на всех службах церковных, со вниманием и теплою молитвою.

— Вопросов Вашего собрата не берусь решать. Поручаю это Вам обоим... решайте сами, и, если хотите, присылайте мне на рецензию. Это у Вас обращение вопросов умового знания, иссушающего сердца и нос кверху подымающего.

Благослови Вас Господи! Спасайтесь! Ваш доброхот Е. Феофан».

АРПМА. Оп. 24. Ед. хр. 4327. Л. 1037–1044.

ИСТОЧНИК

Архив Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне. Оп. 24. Ед. хр. 4327. Л. 1010–1029, 1037–1044.